

ЭНТОНИ ГАРД

ПРИВИЛЕГИЯ

ВЕКТОР СИЛЫ

Энтони Гард

Привилегия: Вектор силы

«Автор»

2026

Гард Э.

Привилегия: Вектор силы / Э. Гард — «Автор», 2026

Российская Империя стоит на незыблемом законе: те, в чьих жилах течет светящаяся голубая кровь, управляют энергией уральской Лазури и вершат судьбы. Но идеальный фасад государства даёт трещину. В этом мире у каждого своя привилегия и своя цена за неё. Для великих князей — необходимость душировать врагов исподтишка и хоронить близких на войне. Для главы Тайной Канцелярии графа Орлова — обязанность вести изнурительную игру на два фронта, штурмуя базы радикалов в горах и выжигая предательство в столице. А для простого автомеханика Ивана Токарева привилегия оборачивается тайным указом, швыряющим парня с окраины в элитную Михайловскую Академию. Против Ивана — вековая спесь и коварство родов, уверенных, что он — лишь пешка в чужой партии. За него — холодный прагматизм. Ведь у любого вектора силы есть точка излома. Это история не о внезапном триумфе одиночки, а о масштабном системном сдвиге, где передовая фронта намертво сшита с интригами закрытой академии, а старые союзы трещат по швам.

© Гард Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Энтони Гард

Привилегия: Вектор силы

Глава 1

Вечерняя Москва тонула в огнях. И в знаменитых столичных пробках. Но для бронированного «Ауруса» существовали иные законы. Чёрный лимузин уверенно рассекал Кутузовский проспект по разделительной полосе. Спереди и сзади его плотным щитом вели два внедорожника сопровождения. Проблесковые маячки на их крышах агрессивно расцвечивали асфальт сине-красными сполохами, пока автомобили горожан жались к обочинам. Москва уступала дорогу высшей крови.

На заднем сиденье «Ауруса», укрытый от шума улицы, расположился граф Орлов. Темные волосы с легкой проседью на висках. Аккуратная эспаньолка. Строгое пальто поверх мундира. Композицию завершала элегантная трость с золотым набалдашником в форме орла.

Аристократ задумчиво смотрел в окно на светящиеся башни Москва-Сити, но мысли его были далеки от урбанистических пейзажей. Процессия свернула к закрытому подземному въезду самого высокого небоскреба комплекса.

Цифровое табло на зеркальной стене лифта стремительно отсчитывало этажи: 70... 85... 93... 99... Заложило уши. Ни единой эмоции на лице графа, только сосредоточенность. Двери лифта бесшумно разъехались, и безликий голос отчеканил:

— Сотый этаж. Выход на вертолетную площадку разрешен.

Орлов сделал уверенный шаг на бетонную платформу и тут же сощурился от ледяного порыва, гулявшего на такой высоте. Всё же, Нарышкин выбрал странное место для встречи. А вот и он сам.

У самого края площадки, заложив руки за спину, графа ждал Светлый князь Лев Нарышкин. Ветер трепал его белые волосы и полы распахнутого пальто, но пожилой князь, казалось, вообще не замечал холода. Он смотрел вниз, на раскинувшуюся под ногами светящуюся матрицу мегаполиса, словно бог, оценивающий свое творение.

Орлов остановился ровно в трех шагах — дистанция строгого придворного этикета. Он прижал левую руку к груди и склонил голову в глубоком поклоне.

— Ваше Сиятельство, Тайная Канцелярия прибыла.

Лев Нарышкин неторопливо повернул голову. Его взгляд, пугающе пустой, скользнул по фигуре графа.

— Вы опоздали на четыре минуты, граф, — вкрадчиво произнес князь. — В наше время четыре минуты могут стать ценой существования Империи.

Орлов не изменился в лице, хотя готов был поклясться честью — он приехал вовремя. «Чёртов прорицатель опять играет в игры», — мелькнуло в голове графа.

— Чем могу служить? — прямо спросил Орлов.

Нарышкин отвернулся к краю площадки, устремив взор в темноту.

— Грядут перемены, граф. Время великих потрясений.

Вот теперь Орлов насторожился. Род Нарышкиных веками славился своим даром. И если Лев напрямую заговорил о грядущей буре...

— Вы... видели это? Угроза Императору? Как я могу помочь?

Нарышкин развернулся, поймав взгляд Орлова. «Вот она — игра в кошки-мышки. Доказательство превосходства. Что ж, подыграем.» — Орлов покорно опустил глаза

— Агата видела. Я склонен... верить своей дочери. Что до вас, граф. У меня есть дело весьма деликатного характера. Вам нужно лично провести одного простолюдина.

Орлов сдвинул брови. Лично?

— Он угрожает короне? Готовит заговор?

Взгляд Нарышкина остекленел. Его зрачки вспыхнули неоновым-голубым светом. В то же мгновение на вертолетной площадке пропали все звуки, кроме свиста ветра. Орлов почувствовал, как физически просело атмосферное давление. Выдох графа сорвался с губ густым паром, который тут же превратился в изморозь на воротнике мундира. Заломило зубы. Холод прошил кожу перчаток, обжигая пальцы так, словно Орлов схватился голыми руками за сухой лед. Родовое проклятие или дар — Нарышкины приносили с собой стужу, и сейчас эта стужа вежливо, но недвусмысленно напоминала Орлову, кто здесь высшая кровь.

Все закончилось так же, как и началось — быстро и безмолвно, оставив после себя лишь привкус талого льда на губах. Взгляд Нарышкина снова обрёл фокус. Князь грустно и иронично ухмыльнулся:

— Заговор? Нет... В данный момент этот человечек варит пельмени на своей маленькой кухне.

Граф Орлов посмотрел на Нарышкина с неподдельным недоумением.

— Но я... не понимаю, Ваше Сиятельство.

— В движении судьбы даже прорицатели понимают не всё. И не сразу, — Нарышкин запустил руку под полу пальто и извлек два предмета: черный конверт и свиток гербовой бумаги, скрепленный сургучной печатью Императора. Князь протянул их Орлову. — Тайный указ Государя, подписан сегодня утром. Ознакомьтесь.

Орлов сломал сургуч и развернул бумагу. Его глаза быстро побежали по каллиграфическим строчкам. С каждым словом лицо главы Тайной Канцелярии бледнело. Брови взлетали всё выше. Что за бред? Зачем? Кому это вообще может быть выгодно? И он не выдержал:

— Это неприемлемо! Это прямой удар по авторитету династии! Вы это понимаете?! Вы с ума там посходили?!

Лев Нарышкин лишь спокойно повернулся обратно к краю площадки, давая понять, что аудиенция окончена.

— Как я и говорил, граф... Время великих потрясений.

* * *

Следующим утром на другом конце города Иван Токарев вёл свою личную, куда более приземлённую войну за выживание.

Час пик на окраине не щадил никого. Старый автобус надрывно ревел мотором, подскакивая на каждой выбоине подмосковного асфальта. Салон дышал перегаром, дешёвым табаком и запахом усталости. На очередном крутом вираже женщина с набитым доверху баулом покачнулась и со всего маху навалилась спиной прямо на Ивана. Ваня, который для своих двадцати двух был парнем высоким и широкоплечим, попытался удержать равновесие, но напиравшая со всех сторон толпа не оставила шансов. Его буквально впрессовало в угол автобуса, а чьё-то чужое плечо бесцеремонно толкнуло в лопатки, заставив прикинуться лицом к холодному, покрытому каплями конденсата стеклу.

Любой другой на его месте уже начал бы огрызаться или сыпать проклятиями, но не Иван. Ни тени раздражения из-под растрепанной тёмно-русой чёлки. Иван даже не моргнул.

Мир вокруг него вообще редко бывал ласковым, и Ваня давно привык принимать его удары с каменным лицом, не пытаясь увернуться. В его голове не было злости на эту уставшую женщину с баулом. Было лишь привычное, ленивое ворчание на отечественный автопром: «Рессоры на этой колымаге сдохли ещё при Николае III. И водила везёт людей так, будто в багажнике у него не рабочий класс, а мешки с картошкой». Иван плавно покачивался в такт ударам подвески, сохраняя невозмутимое внутреннее равновесие. У него просто была хроническая аллергия на суету.

Уже через полчаса этот железобетонный покой пригодился ему на рабочем месте. В полумраке автосервиса, насквозь пропитанном запахами бензина и отработанного масла, Иван лежал на низкой тележке под днищем старой потрёпанной «Нивы». Из динамиков над верстаком глухо хрипел старый рок. Напрягая жилистые, испачканные руки, Ваня с усилием крутил закисшую, намертво прикипевшую гайку на глушителе. Он сердито бурчал под нос, обращаясь к детали как к живому существу:

— Ну давай, родная. Не ломайся. Ты же не дворянская фифа...

Инструмент сорвался. Ржавая гайка поддалась, но следом из пробитого патрубка ударила тугая, тёмная струя масла — прямо Ивану в лоб. Вязкая, вонючая жижа залила переносицу и щеки. Иван выкатился из-под машины, нащупал на полу засаленную тряпку и одним движением смахнул масло с лица. Тряпка оставила на скулах тёмные полосы, похожие на боевой окрас. Иван сплюнул, забросил ветошь в ящик и с тихим кряхтением заехал на тележке обратно. «Нива» сама себя не починит.

Следующие несколько часов превратились в рабочий марафон. Для Ивана это была честная жизнь — только тяжёлый ручной труд и законы физики.

Он тяжело дыша, навалился всем весом на монтировку. Раздался оглушительный металлический скрежет — заклинившая ступица старого «Соляриса» наконец сдалась под напором пролетарской силы. Ошмётки грязи и ржавчины полетели на комбинезон, но парень лишь прищурился.

Через час он уже сидел согнувшись в три погибели под приборной панелью древней «девятки». Фонарик выхватил из темноты хаос проводов. Щелчок кусачек, запах палёной изоляции, тихий мат сквозь зубы — и приборная панель ожила, засветившись тусклым зелёным светом. Иван вылез из салона и помассировал затекшую шею.

Инженерный талант Токарева позволял видеть сложные конструкции насквозь — до последнего винтика. Любой другой на его месте с такими мозгами давно штурмовал бы столичные конструкторские бюро или пытался пробиться в топ-менеджмент корпораций, но Ивану претила сама мысль о галстуках, бесконечных совещаниях и подковёрных играх ради лишней цифры. Он искренне любил своё дело — возвращать к жизни то, что другие считали грудой мёртвого хлама. Иван сознательно выбрал свой тихий автосервис, обменяв карьеру на свободу и покой. И лишаться этого он категорически не собирался.

Заслуженный обеденный перерыв Ваня проводил в излюбленной полуподвальной пельменной с гордым названием «Сытый батя».

Уставшая официантка в накрахмаленном фартуке молча шмякнула перед ним глубокую глиняную тарелку. На ней дымилась гора лоснящихся пельменей, щедро залитых сметаной. Иван решительно перехватил стальную вилку, подцепил первый пельмень, обвалял его в сметане и отправил в рот.

Глаза сами собой закрылись от удовольствия. В этот момент во всей Империи не было человека счастливее него. На несколько минут исчезли хаос, тяжёлая работа и неоновые понты столицы. Были только он, «Сытый батя» и идеальный баланс теста и мяса. Ради таких моментов стоило жить.

Сгущались сумерки, но механик не останавливался. Он методично реанимировал то, что другие мастера давно списали бы в утиль. Каждая закрученная гайка и каждый восстановленный контакт были его маленькой победой над хаосом.

Смена подошла к концу. Иван оттирал ладони едким мылом у раковины. Он посмотрел в мутное, треснувшее зеркало. Уставшие глаза, тёмные круги. Обычный парень с окраины.

Иван надел куртку, закинул за плечо спортивную сумку и вышел из автосервиса, растворяясь в сгущающихся сумерках спального района. Впереди — дорога домой и заслуженный покой. По крайней мере, он на это надеялся.

* * *

Вечерний двор родной пятиэтажки встретил Токарева привычным гулом — район возвращался к жизни после трудового дня. Со скрипом парковалась старая «Лада», надрывались псы, из открытых окон доносился стук посуды и бормотание телевизоров. Со стороны остановки уставшими цепочками тянулись люди.

Иван шел по разбитому асфальту. Куртка расстегнута, руки глубоко в карманах. Мышцы гудели, а в голове шумело так, словно он всё еще стоял у работающего подъемника. Внутри Ивана жил сейчас один-единственный образ идеального вечера: полная, звенящая тишина. И поесть конечно же. А потом тишина.

Навстречу, шумно дыша и переваливаясь с ноги на ногу, как перегруженный баркас, пересосед. Он чуть ли не сшибал уставших прохожих пакетами из супермаркета, а взгляд его — целеустремленный и неумолимый — уже намертво зафиксировал Ивана.

— Здорово, Вань! — окликнул сосед, замедляя ход. — Слушай, коробка на моей «десятке» опять барахлит. Вторая передача вылетает. Глянешь завтра?

Господи, за что мне это? Иван даже не притормозил. Он продолжал топтать к подъезду:

— Здорово. Помню я твою десятку. Сцепление у тебя умирает, а не коробка. Привези мне новое сцепление и не задавай глупых вопросов.

Мужик довольно улыбнулся вслед уходящему механику:

— Понял. С меня причитается!

Ваня коротко кивнул, не оборачиваясь. Ну все, домой!

Из-за угла, отчаянно крутя педали трехколесного велика, вылетел мальчишка лет пяти.

— Ваня! Ваня, стой!!! — закричал он на весь двор.

Токарев обернулся. Малыш резко ударил по тормозам, едва не врезавшись передним колесом в его ботинок. На лице ребенка читалась самая настоящая трагедия. Дрожащими руками он протянул механику пластиковую машинку, у которой отвалилось колесо вместе со штырем.

— Вань... Посмотри, пожалуйста, — жалобно всхлипнул Петька, глядя на него снизу вверх. — Гоночная, моя самая любимая. Папа сказал — только выкинуть.

Иван посмотрел на сломанную игрушку сверху вниз со всей профессиональной строгостью.

— Петька, обязательно слушайся своего папу, — веско произнес Ваня, забирая машинку. — Но не в технических вопросах.

Он привычно полез в нагрудный карман куртки. Там у него нашлись обычная копеечная зажигалка и простая канцелярская скрепка. Чиркнуло пламя. Хладнокровно, словно его пальцы сделаны из жаропрочной стали, Ваня раскалил кончик скрепки. Парой быстрых движений он вплавил металл вместо сломанного штыря, восстанавливая ось и аккуратно насадил колесико на место.

Иван несколько секунд дул на застывающий пластик, а затем закрутил колёсико пальцем. Оно вращалось как новое, без малейшего люфта. Токарев протянул ожившую игрушку в руки счастливому ребенку.

— Готова к заездам, — спокойно резюмировал Иван. — С тебя три круга вокруг песочницы на максимальной скорости.

— Спасибо, Вань! Ты волшебник! — мальчик с радостным визгом унесся на велике в сторону площадки.

Иван проводил его взглядом и повернулся к крыльцу. На лавочке у подъезда, плотно закутавшись в теплые платки, восседал местный трибунал — две бессменные караульные двора, щелкающие семечки. Баба Маша, главная по подъезду, и Баба Люба, местная интеллигентка, сурово смотревшая поверх очков. Спектакль со скрепкой они явно видели от начала и до конца.

«К бою с финальным боссом готов!» — подумал Иван.

— Глянь, Любка, опять плетется, — зашептала Баба Маша, неодобрительно качая головой. — Рожа хмурая, штаны грязные... Ну прям бандит с большой дороги.

— Не бандит, а рабочий класс! — так же шепотом поправила ее Баба Люба.

Иван подошел к крыльцу. Баба Маша тут же расплылась в притворно-сладкой улыбке:

— О, Ванечка, здравствуй!

Иван молча кивнул, даже не думая замедлять шаг. На ходу он достал из кармана связку ключей и привычно приложил круглый «магнит» к панели домофона. Динамик отозвался противным, резким писком ошибки. Иван вздохнул и приговорил кругляш ключа к протиранию о грязные джинсы.

Баба Маша, уловив момент, всплеснула руками и запричитала на весь двор:

— Ох, Ваня, ходишь вечно в мазуте, злой, как собака! Сразу видно — неженатый! Жена быстро бы из тебя человека сделала! Пора уже о семье думать, деточек рожать! А ты всё с железьяками своими обнимаешься.

Иван прекратил тереть ключ и медленно развернулся к Бабе Маше.

— Баба Маш, а сколько лет вашему мужу? — невозмутимо спросил он.

— Семьдесят два! — гордо поджала губы старушка. — Уж полвека вместе, душа в душу!

— А где он сейчас?

— Да где... В гараже он. Машину чинит. С утра ушёл, старый черт.

— Он мудрый человек, — ровно произнес Иван. — Женился и купил машину, чтобы уходить от ваших советов к любимым железьякам. А я пропустил шаг с загсом и сразу перешел к главному.

Баба Маша опешила от такой пролетарской наглости. В разговор тут же вмешалась Баба Люба, поправляя съезжающие очки:

— Ой, Ваня, ну что за цинизм? Ты бы вместо гаража хоть одну книжку прочел!

Иван перевел на нее тяжелый, но искрящийся иронией взгляд. Параллельно он снова приложил натертый ключ к домофону. Прибор опять выдал короткий, издевательский писк ошибки.

— Я прочитал инструкцию к коробке передач от КАМАЗа, — спокойно ответил Иван.

— И что?! — искренне возмутилась интеллигентная старушка. — Это же не литература!

— А смысла и драмы больше, чем в Онегине, — отрезал Иван.

Он в третий раз прижал ключ к панели. На этот раз домофон сдался — издал победную трель. Иван резко дернул ручку, сделал шаг в прохладную темноту подъезда и с грохотом захлопнул за собой железную дверь.

На лавочке воцарилась тишина. Горсть семечек просыпалась из ладони Бабы Маши. Баба Люба поправила съехавшие на самый кончик носа очки.

* * *

Дверной замок щёлкнул с привычной, чуть хрипловатой нотой — внутренний механизм давно просил смазки, но руки до него всё не доходили. Иван толкнул хлипкую дверь, вошел в квартиру и автоматическим движением заперся изнутри. Он, не глядя, бросил связку ключей на тумбочку в прихожей, скинул ботинки и стянул рабочую куртку, набросив её на крючок.

В однушке царил полумрак. Вечерний свет отбрасывал нечеткие тени через зашторенные окна на пожелтевшие обои.

Иван сделал шаг в комнату и уже протянул руку к выключателю, но... Выключатель опередил его и щёлкнул сам. В озаренной старой люстрой комнате, на продавленном кресле в углу, Ивана ждал человек.

Глава 2

Иван отшатнулся. Зацепившись пяткой за край ковра, он потерял равновесие и с размаху впечатался в тумбочку. Ключи и мелочь со звоном посыпались на пол.

— Ёдрить-колотить! — выдохнул он, хватаясь за край тумбочки, чтобы не рухнуть окончательно.

Иван выровнял тумбочку и, стараясь восстановить сбившийся пульс, присел собирать мелочевку. На его лице проявился коктейль из негодования и раздражения. *«Мне дадут сегодня поесть?!»* — замученно проковыляла мысль.

Незнакомец неспешно положил ладони на золотой набалдашник трости, наблюдая за этой суетой.

— Вечер добрый, Иван, — негромко произнес мужчина. На механика изучающе смотрели холодные, цепкие глаза, в которых читалось непререкаемое превосходство. — Вы знаете, кто я?

Иван медленно выпрямился, приводя дыхание в норму. В этой тесной комнате они стояли друг напротив друга — бархат и джинса, дорогая трость и грязные руки. Иван выдержал его взгляд, не моргнув и не опустив глаз.

— Граф Орлов, я полагаю, — буркнул Ваня, скрестив руки на груди. — Не припомню, чтобы я звал вас в гости.

— Вы предпочли бы наведаться ко мне? — лениво поинтересовался граф, и от его обманчиво-мягкого тона в воздухе повеяло могильным холодом Тайной Канцелярии. — Ваша удача, что дело деликатное.

Повисла напряженная пауза. Ни один мускул на лице Ивана не дрогнул, хотя он прекрасно понимал, кто именно перед ним сидит.

Он знал эту породу. Орлов был из тех, кто не машет оружием. Потому что оружие — это он сам. Кинетик. В этой тесной комнатке ему даже не нужно было вставать — достаточно было захотеть, чтобы у Ивана схлопнулись лёгкие или хрустнули шейные позвонки.

Орлов коротким движением указал на деревянный стул, стоявший прямо напротив кресла.

— Сядь.

Иван оглядел предложенный стул, затем перевел взгляд на породистое лицо графа. Прогнорировав приказ, Иван двинулся к подоконнику и уселся прямо на него, нагло закинув ногу на ногу. Он запустил руку в плетеную корзинку, выудил оттуда слегка подсохшее яблоко и с громким хрустом откусил.

— Слушаю вас, граф, — произнес он, продолжая жевать.

Орлов посмотрел на обнаглевшего простолюдина так, будто тот заполз к нему на тарелку. С неприкрытой брезгливостью обвел взглядом убогую обстановку квартиры.

— Жёлтые обои, пыль... — тихо процедил глава Канцелярии. — Ты здесь живёшь или отбываешь наказание?

— Ваше сиятельство, вряд ли вы явились переклеивать мне обои, — хладнокровно парировал Иван. — Чем обязан?

Взгляд Орлова затвердел. Граф подался чуть вперед, опираясь на свою трость.

— Иван, мне кажется, твой язык слишком длинный для такой крохотной комнатки, — в голосе Орлова вкрадчивость. — Не боишься, что я его укорочу?

Иван замер. Жевать он перестал, надкусанное яблоко застыло у губ. На секунду он почувствовал, что перегнул палку. Но отступать было поздно.

Он дожевал, проглотил, примирительно развёл руками и ухмыльнулся:

— Тогда я не смогу отвечать на ваши вопросы.

Орлов молчал пару секунд, разглядывая его, а затем вернул себе бесстрастное выражение лица. Он был на задании, и этот подмосковный механик пока не понимает, что его ждёт.

— Это легко решается телепатами моего ведомства, Иван, — произнёс Орлов. — Я читал твоё досье и прекрасно знаю твой нрав. Но в том месте, куда ты отправишься, крайне важно уметь не отсвечивать. Считай это дружеским советом.

Хруст яблока оборвался. Иван застыл. «Куда? Зачем? Кому я что сделал? Гадости про Императора в комментах не писал, листовки Прометея“ не разбрасывал. Что происходит?!»

— Час назад Император подписал тайный указ, — граф подался чуть вперед, опираясь на свою тяжелую трость. — Ты зачислен на первый курс МВМА.

— Чего, блин?! — Иван резко спрыгнул с подоконника и принялся мерить шагами крохотную комнату, экспрессивно жестикулируя. — Я? В высшую академию? Вы там с дуба рухнули или еще с какого дерева?! Передайте Императору, что я занят в этот четверг. И во все остальные дни тоже!

Орлов медленно поднялся с кресла. Его тень накрыла Ивана. Граф запустил руку во внутренний карман мундира, извлек черный конверт и положил его на стол.

— Указы императора не обсуждаются, Иван, — отчеканил глава Канцелярии, в его голосе зазвенел металл. — Отказ приравнивается к государственной измене.

Иван от такой несправедливости аж зубами скрипнул. В груди закипел настоящий пролетарский гнев. Он размахнулся и швырнул недоеденное яблоко через всю комнату. Огрызок с глухим стуком влетел прямо в урну.

— Измена?! Да что я там делать буду? Я механик! — Иван со всей своей врожденной прямолинейностью уставился на графа. — Да я там и дня не протяну! Знаю я, как вы, голубая кровь, развлекаетесь!

— Тихо, Токарев, — Орлов слегка приподнял руку в черной коже перчаток. — В конверте амулет. Настоящий артефакт с активной Лазурью. Он даст тебе базовую защиту. Достаточную, чтобы первокурсники не пришибли тебя в первый же день.

— А во второй?! — выпалил Иван, скрестив руки на груди.

Орлов устало вздохнул. На его строгом лице появилось выражение, которое можно было бы даже принять за сочувствие.

— Парень, буду с тобой откровенен. Мне все это самому не нравится. Указ Императора, мягко говоря, вызывает вопросы. Но наше дело — выполнять. Впрочем, есть маленькая лазейка. Ты не голубой крови, и полноценно учиться, соответственно, не сможешь. Твоя задача — просто присутствовать. Будь тише травы. Ровно через месяц тебя официально отчислят за неуспеваемость. Все аннулируется, и ты спокойно вернешься к своим железкам. Один месяц, Иван. Не отсвечивай. Понял?

Иван угрюмо промолчал. В его голове уже привычно заворчал внутренний прагматик, просчитывая риски.

— Будем считать, что понял, — сухо резюмировал Орлов.

Граф развернулся и направился к выходу из квартиры. На самом пороге он остановился, повернув голову.

— И да. Об этом никто не должен знать, — негромко добавил он.

Орлов был настолько любезен, что сам запер за собой замки телекинезом. «Ну не гад, а? — зло подумал Иван. — Хорошо хоть мысли не читает».

Негодование Ивана постепенно уступало место его фирменному скепсису. Он медленно подошел к столу, поднял черный конверт и взвесил его на ладони, чувствуя внутри металлический контур артефакта.

Открывать конверт сразу Иван не решался. Подобные артефакты стоили целое состояние и ни при каких условиях не должны были оказываться в руках простолюдина. Лазурь была

священным атрибутом силы и власти, монополией благородных родов. Только дворяне имели право владеть ею, и только они умели пробуждать её энергию.

Но, если честно, на всю эту сословную лабуду Ивану было глубоко начихать. Его сейчас волновала исключительно техническая составляющая. Что это за штуковина на самом деле? От чего она запитана и как устроен контур? Крутятся ли внутри шестеренки, замыкаются ли проводки?

Иван надорвал плотную бумагу, нащупал тонкую цепочку и потянул её на себя. Из темноты конверта на ладонь скользнул амулет — увесистая округлая пластина из благородного белого металла. Платина? Или какой-то неизвестный сплав? По ободку шли тончайшие вкрапления золота.

«Это просто ювелирка или у штуковины есть интерфейс? Эй, Орлов, почему ты не оставил мне инструкцию к этой хренотени?» — мысленно проворчал Иван, поднеся артефакт ближе к глазам.

Поверхность пластины покрывала сложная вязь насечек. Для дворян это, небось, были священные руны, но глазомер механика четко распознал структуру — обычные дорожки на печатной плате, только выполненные с безумной, почти хирургической точностью. В самом центре амулета, словно процессор в соquete, покоился ограненный голубой кристалл. В его глубине лениво перемигивались холодные искры. Лазурь. Таинственная, запретная для простого человека энергия, сейчас лежала на его грязной ладони.

Иван затаил дыхание и осторожно коснулся подушечкой указательного пальца грани кристалла. Прохладный. Гладкий, как стеклышко.

Кристалл не шелохнулся. Искры внутри продолжали жить своей автономной жизнью. Иван иронично хмыкнул, пряча разочарование. А чего он ждал? Проще было дожидаться ответа от ясеня, чем отклика Лазури на прикосновение простолюдина. Артефакт распознавал только высшую кровь. И, похоже, совсем не собирался защищать Ивана. Или как там эти штуки работают?

«Авось, прорвемся!», — оптимистично попробовал обмануть себя механик.

* * *

Горячая вода топила усталость. Иван стоял под тугой струей душа, зажмурив глаза, и чувствовал, как вместе с мыльной пеной в слив уходят дневные заботы. Сейчас он заставил свой мозг замолчать. Никаких мыслей об Императоре, Тайной Канцелярии и безумных указах. Только благословение горячей воды и скорого ужина.

* * *

Иван с волчьим аппетитом уплетал гору макарон с тремя вареными сосисками, щедро сдобренными кетчупом. Прямо из банки, хрустя на всю кухню, он доставал пальцами пупырчатые соленые огурцы. Рядом, на расстеленной поверх кухонного стола бесплатной газете с объявлениями, лежал амулет.

Ивану даже показалось, что эта побрякушка обиделась, за такое неблагородное ложе. «Ну извините, ваше сиятельство, чем богаты, как говорится», — мысленно усмехнулся он.

* * *

Время перевалило за полночь, когда он наконец лег на диван. Накрывшись одеялом, Иван устался в потолок. Тело требовало сна, но стоило закрыть глаза, как мозг начинал активную работу.

Всплыл меткий панч для позавчерашней ссоры в магазине. Потом заиграли строки из песни, которую он слышал утром в автобусе. По итогу пришлось побороться с внезапным всплеском желания написать Катюхе: *«Спишь?»*

«Тьфу, нет, пусть спит себе дальше», — оборвал поток ночного бреда Токарев.

Сон никак не шел. Поворочавшись с боку на бок, он шумно вздохнул, дотянулся до телефона и решил, что пора детальнее изучить место своей будущей ссылки.

Иван прочитал, что первый корпус заложил еще Михаил Романов на пепелище Смуты. Но истинный расцвет Академии случился позже, когда Россия, налившись стальной мускулатурой, провозгласила себя Империей. Каждое последующее поколение Императоров маниакально перестраивало этот бастион. Дерево сменялось камнем, камень — мрамором, пока крепость не превратилась в ослепительный белоснежный дворец, увенчанный золотыми гербами.

Что происходило за этими дверями, обычные люди не могли себе даже представить. Вход внутрь тем, в чьих жилах не текла благородная голубая кровь, веками был закрыт. Исключение делалось лишь для потомственных слуг — безликих лакеев и доверенных теней, безмолвно поддерживавших блеск чужого величия.

Ни единого ролика изнутри, ни одной фотографии. Вот она, настоящая закрытая академия.

* * *

В пять утра телефон завибрировал. Иван, так и не сумевший нормально уснуть, выудил гаджет из-под подушки. На экране горело сообщение от зашифрованного номера:

«Токарев И. П. Пункт выдачи вещевого довольствия МВМА: ул. Южнопортовая, промзона 4, ангар 12. Явка строго с 6:30 до 7:00. При себе иметь паспорт. Форма одежды: гражданская. Опоздание приравнивается к неявке на службу».

— Пункт выдачи довольствия, блин... Чинуши имперские, — хмуро проворчал Иван, сползая с дивана. Наспех сполоснув лицо ледяной водой и натянув джинсы с футболкой, он повесил на шею амулет Орлова, спрятав его под ткань, и вышел в сырой утренний туман.

Автобусы в такую рань ходили раз в тридцать минут, а перспектива проверять, что Канцелярия сделает за опоздание, Ваню не прельщала. Он разблокировал через приложение желтый прокатный самокат, стоявший у метро, и рванул в сторону промзоны, лавируя между лужами.

Ангар номер двенадцать встретил его глухими железными воротами и запахом нафталина, старого сукна и оружейного масла. За обшарпанным столом, на котором громоздились стопки ведомостей, сидел хмурый кладовщик с пышными усами и угрюмым, невыспавшимся взглядом.

— Токарев? — не глядя на парня, пробасил усатый, сверяясь с планшетом. — По спецприказу?

— Он самый, — Иван прислонил самокат к стеллажу.

Кладовщик поднялся, окинул Ивана оценивающим взглядом, прищурился на его широкие плечи и рост, затем повернулся к рядам вешалок.

— На твою антропометрию, парень, персонального портного не завезли, — пробасил усатый, сверяясь с планшетом. — Дворянчикам-то мундиры в закрытых ателье по миллиметру подгоняют, чтоб каждый мускул подчеркнуть. А на тебя индпошива не напасешься. Будешь носить стандарт со спецхранения. На, примеряй, что бог послал.

На стол со шлепком упал пластиковый чехол. Иван расстегнул молнию. Внутри лежали мундир и брюки студента Московской Высшей Михайловской Академии. Сукно глубокой синевы, золотое шитье по воротнику, имперские орлы на пуговицах.

На первый взгляд мундир казался стильным и богатым. На второй — старым и поношенным: ткань кое-где залоснилась, золотое шитье потускнело. Иван разочарованно вздохнул, примеряя обновку.

Чужая вещь. В плечах топорщится, рукава слишком широки, а жесткий воротник-стойка безжалостно врезается в кадык, мешая нормально дышать.

— Эй, командир, — Иван пошевелил лопатками, и ткань на спине натянулась с угрожающим треском. — А поразмернее ничего нет? Я в этом как пугало огородное. Подмышками жмет, в животе гуляет. Можно перешить?

Кладовщик ухмыльнулся в усы, усаживаясь обратно за стол.

— Перешить? А звезду тебе с неба не достать? Радуйся, что вообще выдали. Плечи топорщатся — кушай больше. Рукава широкие — кулаки отращивай. Застегивай давай и проваливай, у меня через пятнадцать минут завоз для княжеских слуг. Чеши в академию, как есть.

Иван глухо матюкнулся про себя, застегнул пуговицы под самый подбородок и двинулся к выходу.

Свою привычную одежду он утрамбовал в спортивную сумку, закинув её за плечо. До вводной лекции оставалось чуть меньше часа.

Иван встал на самокат, крутанул ручку газа до упора и полетел по разбитому асфальту промзоны.

Глава 3

Главный корпус Московской Высшей Михайловской Академии встретил сентябрь помпезным сиянием русского ампира. Гранитные колонны подпирали безупречно белый фронтон, уходящий в небесную синеву. Из скрытых в лепнине динамиков полился виртуозный Вивальди, ознаменовывая начало учебного дня.

Площадь перед парадным входом напоминала закрытую выставку роскоши: вереница лаковых лимузинов ровно, один за другим, замирала у гранитных ступеней. Вышколенная охрана действовала как единый часовой механизм, безмолвно выпуская из салонов молодую кровь Империи. Студенты-дворяне не просто шли — они несли себя с той врождённой, ленивой грацией, которая передаётся исключительно по наследству. Безупречно подогнанные мундиры Академии и безукоризненный кашемир пальто, сшитых в закрытых фамильных ателье, сидели на них без единой складки. Всё здесь — от блеска пуговиц до горделивой осанки — кричало о том, что эти юноши и девушки рождены править.

Эту идиллию нарушил резкий, натужный и оскорбительно дешёвый звук.

Бип-бип.

Электронный сигнал заблокировавшегося прокатного самоката прозвучал как пощечина.

Иван между аккуратно выровнял самокат, защелкнул подножку и пристроил его в угол — ровно, чтобы никому не мешал. Инструмент должен лежать на своем месте. Он поднял голову, оценивая циклопические колонны дворца.

— Ну и махина, — тихо восхитился он. — Как они это зимой отапливают? Поди, котельная на пол-района.

Иван небрежно одёрнул топорщащийся мундир, засунул руки в карманы и неспешной походкой направился к парадному входу. Вокруг него проплывали дворяне, не замечая его или делая вид. *«Интересно, а что, если я случайно наступлю кому-то на ногу? Меня сразу на дуэль вызовут? Или я должен буду извиняться, стоя на коленях? Нет, это уже перебор. Если наступать, то на обе ноги сразу.»*

Оказавшись на лестнице, Иван поймал себя на странном, щекотном ощущении. Это не был трепет простолюдина перед знатью. Скорее — зуд любопытства, азарт механика, добравшегося до чертовски сложного механизма. Да, у него не было родового дара. Зато была жадность к знаниям, вьевавшаяся в подкорку. Если ради того, чтобы выпотрошить секреты этого места, придется подышать удушающим воздухом дворянской спеси — что ж, он потерпит. Главное, чтобы у них самих хватило кислорода.

Однако остаться незамеченным Ивану не удалось. Неподалеку от гранитных ступеней замерла молодая княжна Дилара Юсупова в окружении своей неизменной свиты.

Она была опасна своей красотой — в её жилах кипела горячая, гордая кровь ногайских ханов. Тяжелая, как литой шёлк, грива иссиня-чёрных волос падала на жёсткое сукно академического мундира. На фоне этой темноты её матовая, оливковая кожа казалась безупречной. Резкие скулы и капризно очерченные губы, которые она то и дело недовольно поджимала. Но по-настоящему убийственной её красоту делали глаза: огромные, миндалевидные, тёмные, как смола. В их глубине читалось всё высокомерие её древнего рода.

Рядом с ней стоял граф Павел Оболенский. Он выглядел нелепо: худощавый, взъерошенный, с округлыми, вечно удивлёнными глазами и подвижным лицом типичного ботаника, что никак не вязались с грозным титулом графа. Весь его вид кричал о том, что его нужно защищать. Оболенский бережно, словно священный грааль, прижимал к груди дизайнерскую сумку Дилары.

Дилара бросала на него быстрые, собственнические взгляды — в её семье мужчин держали на коротком поводке, и Оболенский, чьи семейные долги Юсуповы выкупили до единой

копейки, идеально подходил на эту роль. Это была её форма заботы: держать Пашу при себе, изводя мелочным контролем.

— Граф... — тихо позвала она. — Скажите, я пропустила кого-то на летних балах? Не припоминаю этого лица.

Паша, заметив направление ее взгляда, громко, так, чтобы Иван обязательно услышал, — ответил:

— Похоже, парень из какой-то провинциальной глуши, Дилара Наймановна. Из тех мест, где до сих пор считают, что форму выдают на вырост.

Свита захихикала. Иван не отреагировал, но Дилара решила дожать.

— Сударь, стойте! — окликнула она его, заставив обернуться. — А чей вы будете сын? Какого рода? Судя по тому, как на вас сидит мундир — явно не столичного.

Она снова рассмеялась. Иван двинулся прямо на смех, остановившись в паре шагов от княжны. Его взгляд — тяжелый, ироничный и пугающе прямой — мгновенно оценил и Пашу, вцепившегося в женский аксессуар, и саму сиятельную княжну.

— Не переживайте, сударыня, — спокойно сказал Иван. — Я о вас тоже ничего не слышал.

Глаза Дилары округлились. Свита замерла. Иван повернул голову к Оболенскому, кивнул на ношу в его руках:

— Граф, если позволите, у вас левый ремень на сумке перекручен. Если так таскать, к вечеру поясищу прихватит. Не бережет вас хозяйка.

Иван развернулся и пошёл вверх по гранитным ступеням. Через мгновение его фигура скрылась за дубовыми дверями Академии.

Дилара резко выдохнула. Глаза на миг вспыхнули голубым — и в этой вспышке читалась не только злость, но и жгучая обида. Этот выскочка одним ударом разрушил её иллюзию власти.

Сдерживая слёзы и бешенство, Дилара резко вырвала сумку из рук Оболенского.

— Идиот, — тихо, с надрывом бросила она, глядя мимо Паши. — Даже сумку нормально держать не умеешь.

Оболенский так и застыл с протянутыми пустыми руками, привычно принимая удар.

Неподалёку, прислонившись к мраморной колонне, стояла София. В её руке замер смартфон в режиме съёмки видео. Пока остальные дворяне кривились, Разумовская уже просчитывала охваты. Её закрытый паблик «Элита.Топ» читали все — от первокурсников до ректора. Каждый хотел увидеть там компромат на конкурента, но до дрожи боялся сам стать объектом её постов. Появление дерзкого новичка обещало стать главным медийным взрывом семестра, и София не собиралась упускать контент.

Она медленно опустила смартфон; на её губах заиграла торжествующая улыбка. Девушка смотрела на экран немигающим взглядом, даже не касаясь пальцами стекла — её сила крови уже работала.

Под свежим видео, запечатлевшим унижение Паши, с неестественной скоростью печатался текст. Буквы складывались в хлесткую статью с заголовком: «Кто теперь возит багаж Юсуповых?»

Полноценный учебный год в Академии еще не начался, но первая кровь уже была пролита.

* * *

Лекторий прорезал крутой амфитеатр из пяти массивных дубовых рядов, уходящих круто вверх и огибающих центральный подиум для преподавателя. Здесь пахло дорогой древесной полиролью, накрахмаленным сукном мундиров и едва уловимым, сухим ароматом парфюма, от которого у человека со стороны мгновенно начинало першить в горле.

Царила сонная атмосфера, нарушаемая лишь едва слышным, бережным шуршанием графита: младший сын князя Григорий Демидов сосредоточенно выводил линии в скетчбуке. Огромный, широкоплечий парень сейчас затаил дыхание. Его тяжелая ладонь с ювелирной, почти пугливой нежностью удерживала тонкий деревянный карандаш. На пожелтевшем листе бумаги проступал изящный анатомический набросок, и Гриша искренне наслаждался этими редкими минутами покоя, когда ему не нужно было изображать живое оружие своего рода.

Внезапно это хрупкое умиротворение бесцеремонно нарушило синхронное жужжание. Экраны смартфонов всех студентов лектория вспыхнули неоновым светом, принимая уведомления. По рядам пронеслась волна взволнованного перешептывания. Григорий нехотя оторвался от рисунка и достал свой телефон, открывая свежее видео паблика Элита.Топ. По мере того как на экране разворачивалась сцена у крыльца Академии, в глазах Демидова разгорался искренний, уважительный интерес.

— А парень-то с характером, — негромко, про себя ухмыльнулся Гриша, чувствуя мгновенную симпатию к не уступающему дворянам наглецу. — Не побоялся Юсупову приземлить.

От неожиданного восторга Демидов на долю секунды потерял концентрацию, и его родовая сила — та самая, которую он так боялся не рассчитать, — мгновенно отозвалась в мышцах. Послышался сухой, жалобный хруст: прочный пластиковый корпус новенького смартфона смялся и развалился пополам прямо в его массивной ладони. Григорий тяжело, по-медвежьи вздохнул.

— Опять двадцать пять, — проворчал он, качая головой. — Четвертый за месяц.

* * *

Двери Академии захлопнулись за спиной Ивана с глубоким, глухим вздохом. Внутри воцарился совершенно иной мир. Мир, где само время, казалось, текло медленнее, подчиняясь законам векового величия.

Шаги Ивана мгновенно утонули в толстом ворсе ковровой дорожки густого бордового цвета, протянувшейся через весь бесконечный вестибюль. Под ней угадывался монолитный, до зеркального блеска отполированный белый мрамор. Повсюду взмывали ввысь монументальные колонны, чьи капители терялись в полумраке кессонных потолков, расписанных сусальным золотом и сюжетами великих сражений прошлого.

Атмосфера здесь дышала спокойствием. Это не было мертвой тишиной — скорее, уверенным в себе безмолвием старой силы. Высокие арочные окна, выходившие во внутренний сад, пропускали внутрь ослепительно-белые столбы утреннего света.

В вестибюле текла размеренная утренняя жизнь. Здесь полностью отсутствовала нервная суета, присущая обычным вузам. Ивану даже показалось, что местная публика вообще не думает о парах: никто не сверял расписание, не искал нужную дверь и не боялся опоздать.

Для этих людей Академия была не социальным лифтом, а закрытым клубом для своих. Место под солнцем им принадлежало по праву рождения. На экранах смартфонов мелькали не конспекты, а брони столов в клубах, закрытые чаты и котировки акций. Юноши у панорамных окон вяло спорили о мощностях новых импортных движков, а девушки на банкетках делились контактами частных модельеров.

«Читал, — мысленно оценил обстановку Иван. — Думал, преувеличивают. Не преувеличивают.»

Всё здесь — от запаха дорогого воска до надменных портретов императоров на стенах — было призвано внушить простолюдину его ничтожность. Но Иван лишь хмыкнул про себя, засунул руки глубже в карманы и направился в сторону табличек с указателями на лектории.

«Ну что ж, посмотрим, чем вы тут занимаетесь.»

* * *

Иван вошел в лекторий и решил подняться на самый верх.

«Ну и публика, — подумал Иван. — Сейчас начнут коситься, будто я на их парадный обед в галошах пришёл.»

Он заметил, как один из парней демонстративно бросил вещи на соседнее сиденье. «Занято», — прочитал Иван по его губам.

Иван лишь хмыкнул про себя. *«Да не очень-то и хотелось.»*

Иван уселся у окна на последнем яруса, вальяжно вытянув ноги. Из кармана мундира на лакированное дерево парты легли блокнот и огрызок карандаша.

В этот момент двери лектория снова разошлись, впуская в зал густой шлейф дорогого цветочного парфюма пополам со злобой. В аудиторию стремительно вошла Дилара Юсупова. Её идеальная, выверенная на балах осанка сейчас напоминала натянутую до предела тетиву. Тонкие ноздри хищно раздувались, подбородок вздёрнут высоко.

Следом за ней, опустив голову и втягивая плечи в мундир, семенил Паша. Дилара шла намеренно медленно, давая ему шанс заговорить. Но Паша лишь сильнее вжимал голову в плечи. Точь-в-точь как отец Дилары перед её матерью.

По рядам прокатился ядовитый шёпот. Дворяне, ещё секунду назад безразлично разглядывавшие Ивана, с азартом переключились на свежую порцию элитарного позора.

Иван из своего угла у окна наблюдал за этой процессией с лёгким любопытством. Его забавляло, как эти люди, кичащиеся своей «высшей кровью», зависели от того, кто и как на них посмотрел.

Дилара тем временем чеканила шаг к первому ряду, направляясь прямым к столу Софии Разумовской. Золотая сплетница изящным движением тонких пальцев поправляла идеальный локон, и даже не оторвала взгляда от экрана своего смартфона, когда тень Юсуповой накрыла её место.

Дилара наклонилась вперёд, упираясь ладонями в лакированный край стола и нарисовала на лице натянутую улыбку.

— София, дорогая, — её голос прозвучал тихо, но в звенящей тишине зала его услышал каждый. — Вижу, твой паблик снова бьет рекорды просмотров. Не знала, что Разумовские теперь подрабатывают желтой прессой.

София плавно, без единого лишнего движения заблокировала экран и подняла на Дилару лукавый взгляд. Вместо ожидаемой спеси — очаровательная, обезоруживающая улыбка. Медово-карамельные кудри качнулись. София подперла кулачком подбородок, чуть наклонив голову, и в уголках янтарных глаз заплясали веселые бесики. Она выглядела обманчиво легкомысленной — кокеткой с летнего бала, а не хозяйкой самого опасного паблика Академии.

— Ну что ты, Диларочка, — София сладко, почти сочувственно протянула её имя, слегка подавшись вперёд, будто собиралась поделиться тайной. Из-под пушистых ресниц — быстрый взгляд на застывшего Пашу. — Я лишь фиксирую факты, которые твоя семья так небрежно оставляет на улице. А ведь род Юсуповых всегда славился безупречным контролем.

Она подмигнула Диларе; пальцы лениво крутили дорогой смартфон — так непринуждённо, словно София крутила на пальце всю столичную элиту.

Паша за спиной Дилары судорожно сглотнул, его кадык дернулся. Он сделал робкий шаг вперед, едва не касаясь рукава молодой княжны.

— Дилара, не надо. Все смотрят... — тихо, умоляюще прошептал он.

Дилара резко выпрямилась, смерив Софию уничтожающим взглядом, и шумно, с вызовом опустилась в соседнее кресло. Паша, точно тень, скользнул следом. Дилара демонстративно отвернулась от него к окну, но её пальцы, судорожно сжимавшие замок сумки, выдавали, как сильно её колотит.

Иван из своего угла тихо хмыкнул и сделал короткую пометку огрызком карандаша на полях блокнота. *«Шильки, подковёрные игры... Верх глупости, — подумал он. — У нас если*

претензия — говоришь в лицо или берёшь увесистый разводной ключ. А здесь травят друг друга, изящно заворачивая гнилую начинку. Ну нафиг такие конфеты.»

В этот момент внизу, за центральной профессорской кафедрой, зажёгся мягкий, рассеянный свет. Боковая дверь бесшумно отворилась, и на подиум неспешно вышел граф Аристарх Валерианович Разумовский. Лекторий мгновенно замер. Студенты синхронно выпрямили спины, убирая гаджеты. Тишина накрыла зал.

Ректор не был похож на благостного старца. Из-под воротника строгого сюртука виднелась жёсткая линия шрама, уходящая под клинышек бородки. Гладко зачёсанные назад волосы отливали серебром. Он не опирался на кафедру — его армейская осанка, выкованная в окопах Балканского разлома, оставалась безупречной.

Аристарх Валерианович неторопливо, ювелирным движением длинных пальцев поправил манжеты сюртука. Взгляд за тонкими стёклами очков не мерцал мудростью — он сканировал зал холодным, препарирующим вниманием хирурга.

— Приветствую вас, господа, — его хриплый голос, усиленный скрытыми динамиками, прозвучал сухо и властно. — Рад видеть здесь цвет и будущее нашей Империи.

Ректор выдержал паузу, пролистывая бумаги. Затем поднял голову, и его глаза отыскивали Ивана у стены. На губах мелькнула опасная улыбка — человека, заметившего в стерильной лаборатории любопытный реактив.

— Хочу официально огласить, что этот год станет особенным, — продолжил он, и в его интонациях дворяне постарше сразу расслышали опасные нотки. — Экспериментальным. По личному указу Государя, в вашей группе будет обучаться... молодой человек из народа. Иван Токарев, прошу вас не стесняться.

Зал обернулся единым порывом — вверх, к Ивану. В глазах студентов — удивление, шок, презрение. По лекторию пронёсся тихий вздох.

Под этим шквалом высокомерных взглядов Иван даже бровью не повел. На прошлой неделе сорвавшийся с домкрата трёхтонный грузовик едва не размазал его по бетонному полу — вот тогда действительно было страшно. А эти накрахмаленные, надушенные мальчишки и девочки в мундирчиках? Вся их спесь — на фамилиях родителей и чужих деньгах. Для Ивана, привыкшего доверять только законам физики и силе собственных рук, эта элитная толпа казалась не более опасной, чем воробьи на помойке.

Иван лениво приподнял руку с зажатым огрызком карандаша, салютуя Ректору.

— День добрый, — спокойно отозвался механик. — Продолжайте, я записываю.

Разумовский приподнял бровь, оценив зубастость простолюдина и отсутствие трепета. Но комментировать не стал. Он откашлялся и продолжил:

— Господа, во многих из вас уже проявился потомственный дар. Наши родовые способности, — он выделил «наши» с нажимом, и по рядам пробежала волна горделивых осанок, — это не просто могущество, это привилегия крови. Священное право суверена, за которое наши предки сражались веками.

Ректор медленным, ритуальным жестом потянулся к кафедре. Из бархатного ложементта достал кинжал. Белая костяная рукоять, покрытая вязью древних рун, тускло блеснула в свете ламп.

Ректор без колебаний полоснул лезвием по ладони. Зал затаил дыхание. Из раны проступила густая, неоновго-голубая жидкость. Он протянул руку над хрустальной колбой, где на дне покоилась увядшая чёрная роза. Её лепестки превратились в хрупкий уголь, готовый рассыпаться от любого сквозняка.

Тяжёлая голубая капля сорвалась вниз. Она ударилась о мёртвый бутон.

Лекторий замер. На глазах у зала сухой стебель налился сочной зеленью и выпрямился, словно по нему пустили разряд. Шипы расправились, наливаясь силой, мёртвые угольные

лепестки развернулись, превращаясь в бархатный, живой цветок. По аудитории пополз приторно-сладкий аромат свежей розы.

Иван наклонился вперёд, разглядывая колбу. Картина не укладывалась в голове. Механика процесса была непонятна, а всё непонятное он привык разбирать до винтика. Одно дело — слышать о родовых способностях неприкасаемой элиты и видеть их в новостях. Другое — стать живым свидетелем таинства. Иван был прагматиком, но вид ожившей розы его действительно впечатлил.

— Проявилась ли в ком-то из присутствующих родовая черта целительства? — Ректор опустил кинжал и перевёл взгляд на Григория Демидова.

Могучие плечи Демидова напряглись. Он опустил глаза на скетчбук и через силу выдавил: — Я... пока не освоил эту черту, господин Ректор.

По залу пролетел шепоток. Аристарх Валерианович покачал головой — неторопливо, разочарованно. Это движение выглядело не как укор, а как диагноз. Григорий под этим взглядом врос в кресло, чувствуя, как его ценность в глазах ректора падает до нуля.

Разумовский небрежно, даже не глядя на рану, провел по ней пальцем — порез мгновенно затянулся, оставив лишь чистую сухую кожу.

В этот момент массивные дубовые двери лектория распахнулись. В проёме показалась Елизавета Романова под руку с Кристианом. Весь зал, словно по команде, встал в глубоком поклоне.

— Ваша светлость, Елизавета Алексеевна, мы рады вас приветствовать. — Ректор сделал уважительный кивок.

Иван тоже поднялся — не из почтения, а чтобы не маячить. Когда Великая княжна проходила к своему месту на первом ряду, её взгляд скользнул вверх — туда, где в углу сидел Иван. Он не опустил головы. Он подмигнул.

На лице Елизаветы — ни эмоции. Ни возмущения, ни брезгливости. Однако фарфоровая маска дала трещину: княжна задержала взгляд на Иване на долю секунды дольше, чем позволял этикет. В глазах промелькнула опасная искра. Кристиан почувствовал, как рядом воздух сгустился. Но Лиза уже отвела взгляд, изящным движением расправляя складки мундира.

Когда они заняли свои места, Ректор обвёл взглядом притихшую аудиторию. Его голос стал тише, но в этой крадчивости по спинам пробежали мурашки.

— Что отличает настоящего правителя? Знаете? — Ректор посмотрел на притихшего Пашу Оболенского, затем перевёл взгляд дальше. — А вы? Нет?

Он замолчал. Просто стоял у кафедры, не меняя позы, но в наступившей тишине его выправка и холодный взгляд давили сильнее любых слов. И когда тишина истончилась до струны, Аристарх Валерианович продолжил.

— Настоящий правитель проявляет себя, создавая порядок из хаоса. Мы управляем государством не потому, что у нас больше денег или связей, а потому, что наша кровь способна созидать там, где простолюдины увидят лишь тлен!

Зал взорвался аплодисментами. Дворяне хлопали с упоением, празднуя своё превосходство.

В этот момент внутренний мир Ивана дал сбой. Голос Ректора деформировался, растягиваясь в глухое, давящее эхо — будто Ивана заперли в пустой цистерне, по которой снаружи бьют кувалдой. Воздух стал густым, как отработанное масло, — лёгкие сжались, отказываясь принимать кислород. На лбу выступил липкий пот, на шее вздулась пульсирующая вена. В черепе закрипел ультразвук — высокочастотный, невыносимый, выжигающий мысли.

Кто-то в этом зале плавил ему мозги.

Глава 4

Иван попытался сделать вдох, но в груди разлился свинец. Пространство амфитеатра поплыло, смазываясь в рваные вспышки.

Ректор даже не подумал прервать лекцию. Его препарирующий взгляд за стёклами очков мгновенно зафиксировал вспышку. Он видел, как Дилара Юсупова до белизны в суставах вцепилась в край стола. Видел и Кристиана Шереметьева, который с ленивым изяществом покручивал перстень, откинувшись на спинку VIP-кресла.

Аристарх Валерианович ухмыльнулся. Вектор атаки был для него очевиден, как траектория артиллерийского снаряда. Золотая молодежь устроила решила проучить выскочку прямо у него на глазах.

Любой другой на его месте оборвал бы ментальное насилие, защищая студента, зачисленного по личному распоряжению Государя. Но в его системе координат жалость считалась биологическим браком.

«Хочешь сидеть за одним столом с волками, Токарев? — цинично подумал старик, лениво перелистывая каллиграфические списки первокурсников. — Докажи, что у тебя есть зубы.»

Соглашение с Тайной Канцелярией и Императором старик выполнил безукоризненно. Парень зачислен? Зачислен. Форму получил? Получил. Место в лектории предоставлено. На этом обязательства Академии заканчивались. Никто не обещал простолюдину, что его будут водить здесь за ручку и оберегать от дворянской спеси. Экспериментальный реактив должен пройти проверку.

Иван понял: ещё секунда — и сознание выключится. В этот миг под футболкой сильно защипало. Кругляш амулета нагревался, обжигая кожу. Дурнота на шаг отступила, давая передышку.

Пальцы коснулись металлической цепочки. Он глухо выругался сквозь зубы, обжёгшись, но не отпустил. Собрав остатки сил, вытянул наружу раскалённый амулет. Лазурь жалобно, слабо пульсировала.

Раздался тихий хруст. Кристалл покрылся паутиной трещин и мгновенно потускнел, превратившись в безжизненный серый камень.

В тот же миг Григорий Демидов, делавший наброски на среднем ряду, вздрогнул. Он резко обернулся и посмотрел на Ивана.

Давящий, разрывающий изнутри звук в ушах прекратился так же внезапно, как и начался. Невидимые тиски разжались. Иван с хрипом втянул воздух, чувствуя, как по спине струится холодный пот. Сердце бешено колотилось о рёбра. Обожжённые пальцы дрожали, выпуская остывающую цепочку.

Поймав на себе пристальный взгляд Демидова, Иван переборол слабость. Он выпрямился, медленно и демонстративно застегнул верхнюю пуговицу испорченного мундира, спрятав разбитый артефакт от чужих глаз. Лицо снова стало каменной, непроницаемой маской. Он посмотрел на Гришу сурово, не отводя взгляда, давая понять, что этот раунд он выдержал.

«Выкуси, здоровяк. Не знаю, кто ты, но без боя я не сдамся.» — пробежала гордая мысль.

Григорий медленно повернулся обратно к кафедре. Его плечи напряглись, лицо стало серьёзным.

Аристарх Валерианович как ни в чём не бывало продолжал вещать, его сухой голос снова обрёл для Ивана чёткость:

— ...И помните, господа: ваш потомственный дар не прощает ошибок, он требует абсолютной концентрации. На сегодня вводная часть окончена. Свободны.

Кресла партера шумно отодвинулись от столов. Золотая молодёжь Империи, шурша кашемиром и обмениваясь ленивыми репликами, потянулась к выходу. Иван остался сидеть, дожидаясь, пока зал опустеет. Под тканью мундира тяжелела его единственная надежда — и она испарилась.

* * *

Интенсивный гул лектория остался за массивной дубовой дверью, уступив место почти стерильной тишине. Иван быстро миновал коридор и толкнул створку из матового стекла.

Интерьер уборной Академии меньше всего походил на общественное пространство. Вместо запаха хлорки — аромат сандала. Стены, облицованные тёмным мрамором, мягкий рассеянный свет из-под зеркал, белоснежные полотенца, свёрнутые в аккуратные валики. Помещение напоминало ванную в президентском люксе. У каждого знатного рода в Академии были свои личные покои, но эта уборная предназначалась для тех, кому нужно было срочно освежиться без возвращения в жилое крыло.

Иван подошёл к раковине из цельного оникса. Прикоснулся к датчику. Струя ледяной воды с шумом ударила в слив. Он набрал полную пригоршню воды и с силой плеснул себе в лицо, затем ещё раз и ещё. Вода обжигала кожу, но Ваня словно не замечал этого. Внутренний «режим брони», который Иван так привычно включал на окраине, в этот раз не сработал. Его просто смяло.

Механик внутри него требовал анализа, и Иван начал мысленно препарировать произошедшее. Это была ментальная атака. Чистая, концентрированная сила, направленная прямо в черепную коробку. В его мире всё подчинялось понятным законам: летит кулак — уклонись или прими на блок. Там была физика. Здесь же его заперли внутри собственного разума.

Вспоминая те секунды, он почувствовал, как к горлу подкатил душный ком. Он был на грани. На волоске. Ещё несколько секунд — и мозг превратился бы в кашу. Но сильнее всего его пугала не близость смерти — в автосервисе опасности хватало. Его выворачивало от осознания абсолютной беспомощности. Лёгкие отказываются принимать кислород, мысли плаваются, а ты даже не можешь поднять руку, чтобы ударить в ответ. Противник сидит в нескольких метрах, а ты уже труп.

Для Токарева, привыкшего контролировать каждый винтик и рассчитывать только на свои руки, это было неприемлемо. До тошноты. До глухого бешенства.

Умирать не хотелось. Категорически.

Иван потянулся к полотенцу — пальцы едва заметно дрожали. В ушах всё ещё стоял давящий гул. Чтобы заглушить его, он судорожно уцепился за то, что имело для него настоящую ценность. За воспоминания.

Он вспомнил отца. Его тяжёлую руку на плече, вечно пахнущую бензином и дешёвым табаком. Отец не был инженером, он был простым водителем. Но именно он научил Ваню главному: «Если машина сломалась, сынок, не ори на неё и не бросай молоток. Сядь, выдохни и найди, где коротит».

Мама... Ваня вспомнил её негромкий голос по вечерам на их тесной кухоньке, запах жареной картошки с луком и старый торшер, который он сам починил в двенадцать лет.

У этих людей не было «высшей крови». Они не умели заставлять цвести сухие розы или перемещать предметы силой мысли. Но в них была настоящая, живая теплота. Настоящая жизнь. И Иван не собирался позволить этой напыщенной дворянской стае оборвать его память о них в казённых стенах Академии.

Он залез во внутренний карман мундира и извлёк металлический контур амулета.

Артефакт выглядел жалко. Он каким-то чудом принял на себя удар, но полностью выгорел. Металл до сих пор казался неестественно тёплым, от микроскопических сколов пахло озоном — как от сгоревшего трансформатора после короткого замыкания.

«Почему Лазурь сработала? Может, это модификация для протослюдинов? А на мне ее как раз обкатали в полевых условиях. Хрен разберёшь этих аристократов.»

Иван покрутил пластину в ладонях, рассматривая её со всей инженерной строгостью. Для любого дворянина это был мёртвый, уничтоженный артефакт, годный только на утилизацию. Но Токарев смотрел на вещи иначе. В его понимании не существовало «магического чуда» — существовала конструкция. У этой штуки был металлический корпус, внутри — проводник или сердечник, распределяющий энергию. А значит, здесь работали свои законы. Своя схема.

«Если это устройство, — подумал Иван, прищурившись, — значит, у него есть узлы. Есть входной сигнал, есть предохранитель. И его можно перебрать. Да, у меня нет потомственного дара, но я чертовски хорошо умею чинить технику.»

Но просто так, на коленке, с помощью зажигалки и скрепки эту машину не восстановить. Сплав был чужеродным, структура рун на поверхности казалась хаотичной. Чтобы понять, как пустить ток по выгоревшим дорожкам, нужна была матчасть. Теория. Инструкция по эксплуатации. Или хотя бы базовый учебник по волновой структуре артефактов.

Ваня спрятал оплавленный кругляш обратно в карман и вытер лицо полотенцем. Бледность сменилась румянцем упрямства. Ментальная броня снова встала на место, но теперь на ней были выжжены новые правила игры.

«Инструкция... — Ваня посмотрел на свое отражение, в его глазах снова появился привычный блеск механика. — Где эти снобы держат свои заумные книги?»

Ответ пришёл мгновенно. Библиотека. Главное книгохранилище Академии, где веками пылились секреты старой силы. Нужно попасть туда сейчас, пока хищники в лектории не поняли, что следующая атака станет для простолюдина последней.

* * *

Сад Московской Высшей Михайловской Академии утопал в полуденном солнце, больше напоминая декорацию к историческому фильму, чем живой кусок природы. На полированных мраморных дорожках не росло ни травинки, ни один упавший лист не нарушал идеальную геометрию — казалось, вышколенная прислуга ловила их на лету. Вдоль безукоризненно подстриженных аллей замерли изящные скамейки, на которых отдыхала молодая элита Империи.

София Разумовская плыла по тенистой дорожке, полностью погружённая в смартфон. В воздухе стоял приторно-сладкий аромат роз. Софию этот запах всегда немного раздражал — слишком предсказуемо, слишком правильно. Парк дышал показным благополучием, но Разумовская знала, что за этим фасадом скрываются тонны грязных секретов, которые так приятно вытаскивать на свет.

Энергия дара вибрировала на кончиках пальцев, отзываясь покалыванием. Экран мерцал, строчки статистики паблика неслись вверх сами собой, и София получала от этого почти физическое удовольствие. Контроль над чужими жизнями пах озоном и нагретым стеклом. Она крутила на пальце всю столичную знать, не делая ни одного лишнего движения.

Рядом с Софией — две подружки. Катя Трубецкая, то и дело хлопая ресницами, восторженно заглядывала Софии в лицо, делясь сплетнями. Маша Милославская двигалась вальжжее, с показным изяществом потягивая кофе из фарфоровой кружки.

— Софи, это просто разрыв! — Катя всплеснула руками. — У Оболенского в профиле закрыли комментарии! Родственники уже на ушах, требуют удалить твоё видео!

На лице Софии — озорная усмешка. Цифры просмотров под постом росли с бешеной скоростью. Укол ядом подействовал, и София смаковала этот момент.

— Пусть требуют, — ровно обронила Разумовская, и в её тоне звякнул металл. — Дилара сама виновата. Не умеет тренировать своих ручных графов.

Презрение к Юсуповой шевельнулось внутри. Иметь такой древний род, такую дикую силу крови — и так бездарно, так дешёво подставиться перед всей Академией из-за какого-то плебея! Публичная истерика Дилары была верхом безвкусицы.

Маша сделала глоток кофе и, прищурившись, заглянула Софии через плечо. Она бегло осмотрела пустую аллею, словно выискивая кого-то среди кустов.— Слушайте, девочки, — Маша понизила голос, — а вы заметили, что на вводной лекции кое-кого не хватало?

Катя понимающе округлила глаза и закивала:— Точно! Нарышкиной ведь не было. Где Агата запропастилась? Она вообще собирается учиться?

София остановилась у фонтана. Прохладная морось коснулась её кожи, принесла мимолётное облегчение. Прорицатели всегда казались ей слишком туманными. Ей требовались факты, признания и скандалы, а Нарышкины вечно скрывались за маской своих загадочных пророчеств. София заблокировала телефон и отмахнулась от вопроса.— Ой, девочки, да попробуй разбери этих прорицателей, — София иронично усмехнулась. — У них вечно то ретроградный Меркурий, то очередные видения из прошлого века. Наша снежная принцесса, наверное, опять в сугробе застряла. Ну или увидела в кофейной гуще, что сегодня на лекции будет скучно.

Катя и Маша захихикали, прикрывая рты ладонями в перчатках. Их смех разнёсся над дорожками сада, растворяясь в журчании фонтана.

* * *

Парадный блеск Академии остался позади, как только Иван переступил порог библиотеки. Высокие стеллажи уходили под потолок, теряясь в полумраке, а в прохладном воздухе лениво плавали пылинки. Пространство дышало звенящей тишиной, пропитанной запахом книжного клея и старых страниц. Покой и мудрость веков буквально ощущались кожей.

Иван оглядел уходящие в глубину зала ряды книг, одернул мундир и уверенно зашагал к массивной дубовой стойке. От его шагов даже паркет не скрипел, поддерживая известное правило о тишине.

За стойкой сидел пожилой библиотекарь в строгом сюртуке. С почти ритуальным наслаждением он пил чай из тонкой фарфоровой чашки, громко прихлёбывая. Иван подошёл вплотную. Библиотекарь медленно надел очки и застыл, рассматривая неопрятный вид парня.

— День добрый, — негромко нарушил тишину Иван. — Мне бы почитать чего-нибудь. Самый базовый учебник по местной матчасти. Желательно с картинками и без лишней воды.

Библиотекарь приподнял брови, оторвавшись от чашки. Он медленно перевел взгляд на раскрытый журнал, аккуратно провел пальцем по строчкам и снова посмотрел на Ивана.— Сударь... Вы из новоприбывших? — с лёгким недоумением поинтересовался библиотекарь. — Учебный год начался всего два часа назад. Обычно молодые господа изволят посещать библиотеку ближе к зимней сессии. И то — исключительно по настоянию ректората.

— А я не из господ, — отрезал Иван. — Так есть у вас база или нет?

Библиотекарь не возмутился. Напротив, он стал всматриваться в лицо Ивана с нарастающим профессиональным интересом. На губах старика появилась понимающая улыбка.

— А, кажется, я про вас слышал, — тихо проговорил библиотекарь, закрывая журнал. — Разумеется, сударь. Упорство — редкое качество в этих стенах. Подождите минуту.

Старик плавно встал, шурша полами сюртука, и направился вглубь лабиринта стеллажей. Он поднялся по приставной лестнице возле одного из дальних, погружённых в тень шкафов, и аккуратно снял с верхней полки массивный фолиант. Медленно спустился, сдул с обложки плотный слой пыли и негромко закашлялся.

Вернувшись к стойке, он с глухим стуком опустил книгу перед Иваном. На толстой кожаной обложке было глубоко вытиснено название: «Теория потоков и распределение чистой силы».

— Лучшее из того, что у нас есть для начинающих, — библиотекарь похлопал ладонью по потёртой коже фолианта. — Написано ещё в прошлом веке, зато язык сухой и точный. Без... как вы изволили выразиться, лишней воды.

Иван придвинул массивный том к себе. Кожа переплёта была холодной и шершавой. Он наугад открыл пожелтевшую страницу — и глаза наткнулись на сложную круговую схему. Парень одобрительно хмыкнул, на лице впервые за день появился азарт.

— О, чертежи, — в голосе Ивана прозвучало одобрение инженера. — Это мы понимаем. Спасибо, отец.

Иван подхватил книгу под мышку, развернулся и своей привычной походкой направился к выходу.

Библиотекарь смотрел ему вслед, оценивая упрямую рабочую спину, которая отказывалась гнуться под весом чужого мира. Затем он обмакнул перо в чернильницу и вывел размашистым почерком в пустом журнале: «Иван Токарев. Книга 412. День первый».

* * *

Двери трапезной распахнулись, и Иван переступил порог. Зал ресторанный типа оглушил его звяканьем столового серебра и приглушённым дворянским говором. В воздухе плыл густой аромат запечённой утки со специями, смешанный со свежим запахом дорогого кофе. Вышколенные официанты в строгих фраках бесшумно, словно призраки, лавировали между круглыми столами.

Не успел Иван сделать трёх шагов, как дорогу ему преградил метрдотель. На его лице застыла маска ледяной услужливости, за которой скрывалось глубокое презрение к поношенным ботинкам простолюдина. — Добрый день, сударь, — голос звучал как сухой шелест страниц. — К сожалению, все основные столы зарезервированы. Я могу предложить вам место у сервировочной зоны.

Метрдотель указал на крошечный столик у двери в кухню. Там официанты на ходу складывали грязные салфетки и составляли пустую посуду. На деревянной поверхности не было ни скатерти, ни приборов. Иван спокойно оценил этот сиротливый угол, а затем перевел взгляд на полупустой зал, где за белоснежными столами лениво сидели аристократы.

— Слушай, шеф, — Иван наклонил голову, уперев руки в карманы. — Я по глазам вижу, что ты этот зал держишь крепче, чем Оболенские свои акции. Давай честно: у тебя вон там, у колонны в углу, столик вряд ли занят. У меня мундир хоть и с чужого плеча, но руки чистые, и совесть тоже. Посади человека по-человечески. Подальше от их сиятельств, чтобы я им аппетит не портил.

По лицу было видно, как в голове метрдотеля крутятся шестеренки. Он тяжело вздохнул, уступая дорогу: — Официант подойдёт, как только освободится.

Иван прошёл вглубь зала и сел за дальний столик у колонны. Он обедал в одиночестве, медленно ворочая ложкой нечто, отдалённо напоминающее суп. Не разобравшись в помпезных названиях меню, ткнул пальцем наугад. Результат оказался плачевным.

Помня, что он остался без защиты, механик не терял бдительности. Взгляд сканировал зал. На другом конце трапезной он заметил Григория Демидова — огромный парень хмуро ковырялся вилкой в тарелке.

«Интересно, чего этот хрен на меня взъелся? У меня нет шансов, если он решит повторить, — мелькнула тревожная мысль. — Хотя меня, наверное, раньше добьёт этот суп. Сейчас бы в "Сытого Батю". Или пару чебуреков тёти Анаит захомячить».

У самого окна, залитого полуденным солнцем, устроилась Дилара Юсупова. Перед ней Павел Оболенский с бледным лицом судорожно пытался порезать стейк в её тарелке.

Нож в руках Паши со скрипом прошёлся по фарфору. Дилара недовольно поджала губы. — Граф, если вы продолжите так пилить мясо, я решу, что ваш род окончательно растерял навыки владения клинком, — её ледяной тон заставил Пашу вздрогнуть. — Мне физически больно смотреть на ваши руки.

Паша мгновенно замер, пальцы судорожно сжали столовые приборы. Он побледнел под тяжёлым взглядом княжны.

— Простите, Дилара Наймановна, — тихо, стараясь не привлекать внимания, выговорил он. — Я просто... Весь курс обсуждает этого выскочку.

Дилара брезгливо поморщилась, даже не взглянув в сторону Ивана:— Выскочка ответит. А у меня из-за этих глупых сплетен разболелась голова. Павел, будьте добры, поднимитесь в мою резиденцию и принесите флакон с моими каплями.

Внутри Оболенского всё сжалось. Он вспомнил про расписание, и по спине пополз холодный пот.— Но... Диля, через десять минут тренировка по фехтованию в спортзале, — растерянно пролепетал он, заглядывая ей в глаза. — Я не могу опоздать к Михаилу Алексеевичу...

Дилара наклонилась вперёд. На её губах играла мягкая улыбка, но глаза не сулили ничего хорошего.— Ты опоздаешь, Паша, — проворковала она. — Потому что моё самочувствие для тебя важнее, чем замечания Романова. Иди.

Приказ ударил сильнее любого хлыста. Оболенский сглотнул, послушно кивнул, встал из-за стола и, опустив голову, двинулся из зала.

София Разумовская плавно скользнула следом. На её лице играл охотничий азарт репортёра, почуявшего сочную драму. Она убрала смартфон в карман и последовала за ним.

* * *

Оболенский быстро шёл по пустому коридору, почти срываясь на бег. Сердце колотилось, к горлу подкатывал липкий страх перед гневом Романова в спортзале. Преподаватели в Академии были жёсткими и властными, но инструктора по фехтованию Паша боялся больше всех.

В Михайловской Академии на кафедры не брали обычных учителей или гражданских теоретиков. Здесь преподавали чистокровные представители высших аристократических домов, многие из которых были увенчаны боевыми орденами. Романовы, Демидовы, Разумовские, Шереметьевы — эта элита обладала колоссальной силой крови, перед которой тускнел гонор любого первокурсника. Избалованные наследники огромных состояний, привыкшие дома повелевать слугами, в стенах лекториев мгновенно вжимали головы в плечи перед авторитетом своих учителей. Спорить с ними или игнорировать их замечания было не просто глупостью, а социальным самоубийством.

Из дверей трапезной выпорхнула София. Её каблуки ритмично зацокали по паркету.— Граф Оболенский! Пойдите, — мягко окликнула она.

Паша вздрогнул, испуганно обернулся и попытался вернуть лицу маску аристократа, поправляя съехавшие очки.

— Ваше сиятельство, — выговорил он, стараясь найти в себе стержень. — Хотите выпустить свежий материал о том, как я плохо режу мясо?

София подошла ближе. Паша уловил тонкий, едва заметный аромат её парфюма — обволакивающий, напоминающий спелую вишню. В её янтарных глазах отразилось глубокое сочувствие. Паша замер. Он привык к ледяному тону Дилары, к вечным приказам и упрекам. Неожиданное участие Софии подействовало на его израненное самолюбие как целебный бальзам.

— Мне искренне жаль, Паша. Правда, — её голос журчал как тихая музыка. — То, что Дилара делает с тобой публично — это недостойно её титула. Твой род древнее и чище Юсуповых, и ты не заслужил быть её щитом от чужих насмешек.

Паша застыл, полностью обезоруженный этим сладким ядом. Внутри него всё перевернулось. Неужели кто-то наконец разглядел его настоящую, живую душу за фасадом чужих долгов? В груди вспыхнула искорка, за которую Паша постарался ухватиться. Но можно ли доверять Разумовской?

— Юсуповы оплачивают счета моей семьи, София, — глухо, отводя глаза от её взгляда, признался он. — У меня... нет выбора.

София сделала ещё один шаг и аккуратно коснулась его плеча. Прикосновение — невестомое. Но само действие — грубое нарушение этикета. Тайнственное. Будоражащее. Для Паши этот жест стал спасательным кругом. В месте касания кожа словно горела.

— Выбор есть всегда, — София понизила голос до доверительного шёпота, заставляя его ловить каждое слово. — Просто помни, что в этой Академии не все видят в тебе лишь аксессуар Дилары. Если тебе когда-нибудь понадобится реальная поддержка... или просто человек, который выслушает без криков — ты знаешь, где меня найти.

София тепло улыбнулась ему, задерживая взгляд на его лице на долю секунды дольше положенного, а затем убрала руку и плавно ушла по коридору.

Паша долго смотрел ей вслед, плечи впервые за день расправились, на бледных щеках появился слабый румянец.

София даже не обернулась. Сети были расставлены идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.